

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ!

Текст статьи 48 проекта Конституции СССР, в которой идет речь о праве граждан СССР на пользование достижениями культуры, мне кажется, следует дать в несколько иной редакции. В проекте идет речь об общедоступности ценностей отечественной и мировой культуры, находящихся в государственных и общественных фондах, иными словами — о сокровищах музеев и картинных галерей. Но разве не представляют собой своеобразную духовную ценность спектакль, фильм, выступление музыканта или, что мне наиболее близко, эстрадное представление? Очевидно, и их общедоступность следовало бы специально оговорить в тексте этой статьи, принципиально важной для культурного развития нашего общества.

Характерная особенность нынешней культурной жизни — всеобщая потребность в зрелищах. Это слово мы привыкли произносить как бы в предостерегающих кавычках. Но оглянитесь вокруг, и вы увидите, что за последние десятилетия само это понятие «зрелище» разительно изменилось. В настоящем современном зрелище нет ничего вульгарного, низменного, второсортного, как это бывало в начале века. Никакой измены строгим вкусам, уступки дешевке и пошлости! Главный признак современного зрелища — яркость, необычность, неожиданность впечатления, охватывающий зрителя азарт, волнение, смех, а может быть, и вытертые украдкой слезы — все то, что помогает смыть с души усталость и освеженными глазами взглянуть на мир. Утверждаю, что нет более универсального и надежного средства против угнетающих психику стрессов, переутомлений и всевозможных отрицательных эмоций! Стоит ли удивляться, что люди бросают важные дела, платят большие деньги, идут на всевозможные ухищрения, лишь бы проиллюстрировать в зрительный зал.

Эстрадные зрелища общедоступны — это так и это не так. Конечно, никаких ограничений при продаже билетов нет. Но разве мало есть самых горячих и искренних поклонников у Людмилы Зыкиной, у Муслима Магомаева, у Геннадия Хазанова, которые никогда не видели их, кроме как на экране телевизора, и даже не надеются когда-нибудь увидеть?

Социальные условия, в которых существует искусство, изменяются очень быстро. Эстрада с ее массовостью и прирожденным демократизмом ощущает эти перемены, пожалуй, наиболее остро, хотя приспособиться порой бывает нелегко.

Если у артиста эстрады спросить, в каком по величине зале хотел бы он дать важный, дорогой для него концерт, он выберет не слишком маленький (все-таки известный простор для аллодисментов необходим!), но и не слишком большой.

Если, в свою очередь, такой же выбор предложить зрителю, он тоже, и понятно, почему, выберет небольшое уютное помещение.

И не удивительно! В обстановке камерного зала все чувствуют себя близко друг к другу, зритель видит мимику, видит глаза, улавливает полутона и нюансы. Между залом и сценой легко возникает прочный психологический контакт. Артиста не слепит чрезмерно яркий свет, ему не надо напрягать голос и форсировать эмоции. Даже шепот легко достигает самого последнего ряда.

Но все меньше становится их, этих небольших концертных помещений, где так естественно возникает атмосфера всеобщей слякотности, духовного союза, где невидимые точки без всяких препятствий пробегает от сердца к сердцу. А скоро, наверное, совсем не останется. Они не соответствуют нынешним масштабам культурной жизни.

Триста зрителей купаются в блаженстве, а пять тысяч, не добыв билета, остаются за порогом — это нигде не годная арифметика.

Трудно ли артисту работать на стадионе или во Дворце спорта? Очень трудно. И творчески «осваивать» громадные киноконцертные залы — тоже. Сцена гигантская, артист чувствует себя крошечным, его подавляют это пространство, эти жесткие конструкции, гулкая акустика. Даже первый ряд от него словно бы за барьером.

И все равно поносить эти сверхместительные залы, предаваться ностальгической грусти по «старым добрым временам» — наихудший вид снобизма. Как же трудно, мы должны работать на этих громадных площадках, приспособляться к ним и привлекать зрителя.

Написать это легко, выполнить — гораздо сложнее. И для этого понадобится немало поработать.

Когда строятся дворцы спорта — их в стране уже более полусотни, а будет значительно больше, — архитекторы и строители думают только о хоккее, фигурном катании и вольной борьбе. Но не успеют перерезать ленточку на церемонии открытия, как у нас начинают трезвонить телефоны: срочно концерт! Срочно детскую елку! И мы идем в эти гигантские сооружения из стекла и бетона, что-то пытаемся найти, придумать, освоить, и все работает против нас — и компоновка помещения, и его пропорции, а главное, чудовищная акустика и отсутствие нормального света. А ведь все было бы по-другому, если бы в стадии вынашивания идеи было осознано, что этому зданию на роду написано стать главной концертной площадкой города.

С волнением слежу за всем, что появляется в печати о строительстве олимпийских сооружений в Москве. Хорошо ли продумано, как в дальнейшем будут служить столице эти комплексы? Предусмотрена ли проектами техническая база будущих зрелищ? Будет непросто, если мы спохватимся чересчур поздно.

Плохо приспособлены к нашей работе и залы, которые строятся специально для концертов. В них все для зрителей и ничего — для актеров. Громадные деньги вложены в мрамор, в люстры, в установки для 18-канального синхронного перевода. А залушная часть убогая, нет самой необходимой сценической техники. Придумывая тут представление, бываешь скован таким множеством ограничений, словно решаешь классическую задачу про волка, козу и капусту. Как ни беись — то волк съедает козу, то коза гложет капусту. В задаче еще ничего не говорится про недостаток времени. А мы всегда в цейтноте...

Но мы должны не только предъявлять претензии — мы должны сами, не покладая рук, искать особые приемы, особые приспособления, которые позволили бы нам с минимальными художественными потерями работать и на стадионе, и в заводском цехе, и на площади во время народного гулянья.

Достичь этой цели, полагаю, возможно только при помощи техники, прежде всего радиотехнической и акустической аппаратуры. А для этого придется очень много сил потратить на борьбу с всевозможными предубеждениями.

Так техника микрофонного пения связана с необходимостью насытить звуком громадное пространство. Микрофон помогает преодолеть отчужденность между артистом и залом, он приближает к нам исполнителя, открывает нам как бы срез его души. Ведь самые глубокие, волнующие краски голос имеет именно при том же большом напряжении, которое требует микрофон. Из чего, кстати, с полной очевидностью следует, что мало-мощного певца микрофон не спасет, а скорее утопит окон-

чательно. При большом увеличении еще заметнее станут его душевная пустота и профессиональная неумелость.

Все большую роль начинают играть разнообразные приемы подачи: свет, слайды, кинопроекции. Это тоже способ «обнять» гигантское пространство.

Масштабы сегодняшней, а в особенности завтрашней эстрады заставляют серьезно задуматься над артистическим пополнением. У нас мало артистов. Очень мало. «Проклятый парк» совершенно несоизмерим с нарастающими потребностями проката.

Только крупнейших концертных площадок в стране 50. Минимальное количество вечеров в месяц, когда там обязательно должно даваться какое-нибудь достойное внимания представление — 20. Значит, требуется 1.000 концертов в месяц только на площадках выдающегося значения. А чтобы представление было действительно заметным, надо «задействовать» в нем не меньше 20 артистов.

Такова потребность. А каково наличие?

Штат Москонцерта — более 2.000 артистов. Из них настоящий творческий уровень имеют от силы 300. Средний возраст артистов Москонцерта — 50 лет. Когда проходил конкурс артистов эстрады, в этой ведущей концертной организации еле-еле нашлись двое исполнителей в жанре юмора и сатиры, по возрасту имеющих право в нем участвовать.

Мы часто гневаемся по поводу того, что профессиональные барьеры становятся в нашем искусстве чисто символическими. Я сам про себя и вслух сколько раз возмущался. Но если задуматься, массовый «аншлаг» из самодельности в профессиональную эстраду больше отбывает реальную обстановку, чем наше благородное негодование. Когда у нас будет в достатке дипломированных артистов, то и оценки можно давать другие.

Но пока пополнение ничтожно. Государственное училище эстрадного и циркового искусства выпускает три номера в год. Ну еще творческая мастерская. Пусть даже и этому прибавятся несколько драматических артистов, которых театр держит в неуспокоенном состоянии творчески и материально. Все равно мало.

Отсюда многие ненормальные явления в артистическом быту.

Знаете, сколько раз в месяц выступал до недавнего времени средний по значимости эстрадный ансамбль? Это уму не постижимые цифры. Наступает быстрый износ, люди не успевают ни отдохнуть, ни работать над собой. Министрство культуры СССР ввело недавно новый порядок — работать не больше строго определенной нормы. Но попасть на хороший концерт стало во много раз труднее, особенно на периферии... Значит, к дополнению правильного решения Министерства культуры СССР надо позаботиться и о подготовке высококвалифицированных кадров для эстрады.

Эстрада обладает высочайшей коммерческой потенциальностью. Это прекрасно используют в своей практике директоры филармоний. Но, чтобы производством давало прибыль, нужно создать основной капитал.

До сих пор все наши планы, все выводы о выполнении невыполненных строились на том, сколько мы со своими наличными силами можем сделать и как с этим справляемся.

Приходит пора принципиально изменить подход. Какова реальная потребность — вот с чего следует начинать все расчеты. И уже на этой основе определять, какой должна быть наша творческая наличность.

Александр КОННИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, главный режиссер Театра эстрады, МОСКВА.